

Как млад Иванушка-дурачек крапиву рубил

Андрей Русавин

Андрей Русавин

**Как млад Иванушка-
Дурачек крапиву рубил**

«Accent Graphics communications»

2015

Русавин А.

Как млад Иванушка-Дурачек крапиву рубил / А. Русавин — «Accent Graphics communications», 2015

Из русского молодецкого эпоса, потешного опуса, дурашного пафоса: одним словом – СКАЗА ПРО ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА, землячка и добрячка, бодрячка и острячка, и про его могутный природный разум. По сборнику «Народные русские сказки А.Н. Афанасьева», сборнику В.И. Даля «Пословицы русского народа», «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, да и по собственному разумению тож. Обработка, а где и работка, Андрея Русавина, стало быть, не сочинителя, а сказителя; творец же сего, как и всего истинно ценного, – самобытный, самонравный, самогласный русский народ. Краткое предуведомление. Где «е» зришь, там «е» читай, где «ё» зришь, там «ё» читай. Да смотри, не ошибись! Впрочем, читай, как хочешь: хоть «е», хоть «ё», как тебе удобнее; главное – читай с удовольствием, а не с неудовольствием! Да смотри, не ошибись! В кулемесице «Как млад Иванушка-дурачек крапиву рубил» глаголется, откуда есть пошла на земле Русской традиция искать детей в капусте. Точнее, рассказывается про то, как природный талант млад Иванушка-дурачек энергично предпринял первую робкую, безуспешную попытку ввести на Руси данный народный обычай. В этой же кулемесице главная героиня Сказа – мудрость народная, которая несудима, неистошима, безмерна и в гимне воспета, – раскрывает сокровеннейшие секреты здорового народного питания. Вот были счастливые времена, которым можно только позавидовать! То был золотой век, когда человечество не страдало от переедания и связанных с этим проблем и болезней! Кроме того, здесь же объясняется, что, с точки зрения народной мудрости, всему голова. И оказывается, что это совсем не то, о чём вы первым, вторым и даже третьим делом подумали... А в последующих кулемесицах мудрость народная учит не сидеть сиднем дома, совершенно откровенно высказывается о том, где распитно да трапезно на Руси, трактует о жизни и смерти и, как всегда, режет правду-матку!

© Русавин А., 2015
© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Как млад Иванушка-дурачек крапиву рубил	7
Как млад Иванушка-дурачек лучшей доли – сытной жизни искал	11
Как млад Иванушка-дурачек со своим родным дедушкой мирошкой ну очень хорошо жил	17
Как млад Иванушка-дурачек с чивым[76] дедушкой мирошкой весь мир напоили	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сказитель Андрей Русавин
Как млад Иванушка-дурачек крапиву рубил
Изборник кулемесиц из «Сказа
про Иванушку-дурачка»

Высокоумные примечания, простосердечно извлеченные из трудов В. И.
Даля

Как млад Иванушка-дурачек крапиву рубил

Посвящается А. Политову

Уродился я ни мал, ни велик – с березовый голик¹. А не то – с игольное ушко. А не то еще – с приворотную надолбу².

И забажалось³ мне колдытосся⁴ попить-поесть.

Вот пошел я талды⁵ в лес глухой, непролазный, рубить дерево по себе, валить дерево могучее – крапиву.

Злое семя крапива: не сваришь из него пива! Дак порешил накрошить крапивки на зеленые шти. Ух как захотелось! Аж зубы застучали! Эх, кабы голодному щец, всем бы молодец! Ешь щи, будет шея бела, головочка кудревата!

Вот вхожу в дебрь. Ох, хорош дремуч гай⁶, да крапивой порос, загустел. Кабы на крапивку не топор да не мороз, с нею б и ладов не было!

А из-за лесу-то древа не видать, три дня проплутал, дерево крапиву проискал, ни за что бы не нашел, аще⁷ бы само деревце крапивка голос не подало, пробегаючи недалече!

– Ау! – по-ребячьи кричит дерево крапива, смеючись. – Ау! Ну ты, чей-то сын! Улучи⁸ меня! Надгони меня! Испознай⁹ меня! Я – всему голова!

А вслед за тем деревцем крапивкой девки да бабы чешут, в крапивищу прыгают – детишек в крапивушке ищут! Ну очень надо! Ищут, ищут, а на ме... ме... меня внимания не обращают, хотя я им и горланю: не нужна ли, мол, моя всемерная помочь?! Одна только какая-то старуха глянула на меня, остановилась, палец в рот сунула, вынула, простонала: «Конечно!», но молодухи за руку ее схватили и потащили. И стало мне на тех бабищ да девищ зело досадно!

А в чащобе стоит древо, древо ханское, платье шамаханское, цветы ангельски, когти дьявольски – угадай, что это?¹⁰ Вот засел я на ветке того древушка в засадушке. Ну донельзя надоть! Аж жубы шкрежещут! Засадаю на ветви, посвистываю, как Соловейка – народный заступник, да высматриваю: не пробежит ли бегом где дерево крапива мимо? Сидю, сидю, обседелся да и затянул жизнерадостную песнь всенародную: «Эх, соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поет!»

Вот пробегает вбежки деревце крапивка мимко, увидало меня, хихикает да приговаривает:

– Ах ты, Одихмантьев сын, робингуд хренов! Я колюча, я жигуча, я тебе, добрый молодец, ушки обожгу! Не смей меня, дурень, рубить, ведь я – всему шебала¹¹!

– Как не смей рубить?! – ретую¹². – Худое деревье с корнем вон! Мне штей– то крапивных, поди, хотца! Щи всему голова! Щи крапивушкой пригожи, солью укусны!

А крапива надо мною токма подсмеивается! Сулит:

¹ Голик – веник из прутьев, с которых обиты листья.

² Надолба – вкопанная стойка.

³ Забажалось – захотелось.

⁴ Колдытосся – однажды.

⁵ Талды – тогда.

⁶ Гай – лиственный лес.

⁷ Аще – если.

⁸ Улучить – найти, подстеречь, захватить.

⁹ Испознать – распознать, узнать точно.

¹⁰ Отгадка: шиповник.

¹¹ Шебала – баклуша; шуточно, бранно – голова.

¹² Ретовать (от реть, ретивый) – сердиться, браниться.

– Ужо я те улю штей на ложку-то, дуралей!

А вслед за тем древушком крапивушкой бабицы да девицы шпарят, в крапивину скачут – деточек в крапивоньке шукают! Ух, страсть как надовно! Шукают, шукают, а меня на... на... на... начисто игнорируют, хотя я им и воплю: «Не нуждается ли вдруг в моем действенном вспомоществовании?» Одна только какая-то старая старушка глянула на меня, остановилась, подмигнула и раз, и два, и три, проворковала: «О, да, да! О-ля-ля! Оба-на!», но молоденькие товарки под руки ее увели. И почуял аз к тем девчугам да бабчугам отчетливое нерасположение!

Ось сыкнулся¹³ я на крапиву со своей ветвины, да промахнулся, понапрасну тильки оземь шмякнулся!

А в трущобе стоит деревье мохнато, в мохнатом-то гладко, в гладком-то сладко – угани¹⁴, что это? ¹⁵ Вот запосел я на вице¹⁶ того деревья в засадице. Ну несказанно надоткабы! Запосиживаю на той висне¹⁷, похвистываю, как Соловейчик – успешный адвокат, да выглядываю: не пробегчит ли бежком где-нибудь деревко крапивка мимошь? Сижу на слуху¹⁸, насидел мозоль да и начал романс напевать: «Соловей мой, соловей, голосистый соловей!» (слова Антона Дельвига, музыка Александра Алябьева).

Вот пробегчает бежью дервие крапивия мимие, увидало меня, покатывается со смеху да примолвливает:

– Я стреклива¹⁹, я пырлива, я тебе, гарный парубок, пяточки обстрекаю! Ишь ты, Оди-хмантьев сын, меломан, понимаешь! Не вздумай меня, дурачище, крошить, вали отсель! Я – всему головища!

– Как не вздумай крошить?! – варначусь²⁰. – Худое дервие с корнем вон! Мне кисленьких штей-то, поди, еще пуще хотче! Ото щей добрые люди не валят!

А крапивия надо мною паче прежнего насмехается! Страшает:

– Ужо я те улю штей на вилку-то, дурашман!

А вслед за тем древоньком крапивонькой бабоньки да девоньки дуют, в крапивицу прыг-скок – дитяток в крапивочке стараются нашарить! Ой как надобе! Шарят, шарят, а на меня фу... фу... фу... фунт невнимания, хотя я им и хриплю: не требуется ли, мол, мое посильное вспоможение?! Одна лишь какая-то старая-престарая старушонка, внученькой на могучих плечах несомая, глянула на меня, заверещала: «Да-с, да-с, несомненно-с!», руки ко мне протянула, но носительница не обратила на это ни малейшего внимания и понесла верещащую ношу дальше! И сделалось мне на тот бабняк да девняк несколько даже обидно!

Шанулся²¹ я на крапивицу со своей гилки²², да оплошал, всуе толька оземь грянулся!

А в глуши стоит древице цветом зелено; в этом древице четыре угоды: первое, больным на здоровье; другое, теми свет; третье, дряхлых, хилых пеленанье, а четвертое, людям колодец – смекни: шо сие? ²³ Вот воссел я на суку того деревья в засадии. Ну чрезвычайно надотка!

¹³ Сыкну́ться куда – кинуться, сунуться.

¹⁴ Угану́ть – угадать.

¹⁵ Отгадка: орех.

¹⁶ Ви́ца – длинная ветка.

¹⁷ Ви́сна – обвисшая ветка.

¹⁸ Сидеть на слуху – чутко подстергать кого-то.

¹⁹ Стрекли́ва – от стрекать (жалить).

²⁰ Варна́читься – сердиться, петушиться.

²¹ Ша́ну́ться – кинуться, шарахнуться.

²² Гилка – древесная ветка.

²³ Отгадка: береза (банный веник; лучина; береста на горшки; берёзовица – наеживаемый весной березовый сок, который, перебродив, образует сладковатый напиток).

Восседаю на сучишке, тюлюкаю²⁴, как Соловеюшка-правовед, да вызираю: не пробечит ли где бежма древцие крапивция мимце? Сидю на ладу²⁵, засиделся, холзыкаю²⁶ – да и принялся тихо петь: «Есть одна хорошая песня у соловушки...» (слова Сергея Есенина, музыка Александра Матюхина).

Вот пробечает бегушком древцо крапивцо мимцо, увидало меня, ржет да присказывает:
– Я язвлива, я бодлива, я тебе, клёвый хлопец, ягодицу изъязвлю, однозначно! Не держай меня, дурик, кромсать! Ибо я – всему, как ты сам понимаешь, калган! Эх ты, Одихмантьев сын, отпрыск юриста!

– Как не держай кромсать?! – юрюсь²⁷. – Худое древцие с корнем вон! Мне штей-то добрых, поди, еще шибче того всхотелось! Щи добрые люди, однозначно! Отец родной, юрист, надоест, а щи не надоедят, понимаешь!

А крапивция надо мною еще наипаче того хахалится²⁸! Грозится:

– Ужо я те улыю штей на зубочистку-то, дурулопа!

А вслед за тем древочком крапивочкой девчужки да бабчужки мчатся, в крапивчину мечутся – чадушек в крапивченьке рыщут! Ух, до зарезу треба! Рыщут, рыщут, а ко мне не проявляют никакого пи... пи... пи... пиетета, хотя я им и шепчу: обдумываю, мол, не след ли оказать остро нуждающимся незамедлительное содействие! Одна тличко какая-то дряхлая столетняя старушенция, которую на носилочках тащили дебелие санитарки, глянула на меня, сковырнулась со своего ложа, ладошкой помахала, пролопотала: «О, йес!», но медсестры насильно на носилки ее уложили и швидко уволокли! И ощутил аз на тех девчиц да бабчиц сильнейшее ваз... ваз... возмущение!

Хлянулся²⁹ я на крапивчищу со своего сучища и хочь ожегся весь, зато древище крапивищу сгоряча оглоушил! Так ей и надо! Стоит древице крапивица, не зашелохнется, понимаешь! Больше она уже никуда не бегчит! Впредь она уже ничему не башка! Пусть теперь ей будет весьма огорчительно! Но зато уж обстрекала мне треклятая крапивка и ушки, и пятки, и ягодицу, и то, что спереди, однозначно! Ну, я так и присел! И сразу же вскочил! И заорал благим матом, но по большей части – неблагим оным же!

Тут я топор из-за пазухи как выхвычу! Да как замахнусь! Да как рявкну:

– Ах! Посеку тебя в капусту, вкусный куст! Мне вкусненьких штей отчего-то ну страх как хочется! Ах, были б щи солоненьки да горяченьки – вот тебе и вкус!

А крапивца-то надо мною уже и не смеется, дурачком не обзывается, а горячими слезами обливается, села, нет – на колени пала, у меня, дураша беспощадного, пощады просит! Токо тщетно!

Ну, тут меня дюже сердобольные дивцы да бабцы окружили, топор изъяли, галдят:

– Ай да дурень! Не смей древченько крапивченьку под корень разить, дурбень! Где ж мы тогда младенчиков будем приискивать себе, дубина? А нам знаешь, как надось!

– Бр-р-р! А в капустке! – рычу. – В капусте отныне и подбирайте себе ребятишек, коли вам так надобится! Ах, капустка! Капустушка – тожде³⁰ всему головушка! В капусте – здоровые детки! Капустка – это же тоежь³¹ отличные шти! Да мясные, да с дичью, однозначно! Эх, дичь во щак – а все тараканы да жужелицы, понимаешь! Ух, хотцы!

²⁴ Тюлюкать – тюрюкать, насвистывать, напевать; петь пташкой.

²⁵ Сидеть на ладу – наготове.

²⁶ Холзыка́ть – некрепко сидеть; скользить.

²⁷ Юри́ться – яриться.

²⁸ Хаха́литься – смеяться, хохотать.

²⁹ Хляну́ться – кинуться.

³⁰ То́жде – тоже.

³¹ Тое́жь – тоже.

– Ай, да где же ее шукать-то, капусту эту, дурашка? – бойко этак спрашивают жуть какие любознательные представительницы любопытного пола.

– А на огороде! Сами ее на огороде-то и выращивайте! И в дребь³² далеко ходить не надовно!

– А-а-а! – разинули рты девча да бабча. – Ну, ты и голова-а-а! С... с... с... сущий юриспрудент!

А одна столетняя старушонушка бодро воскликнула, приподнявшись на своем переносном одре дряхлости:

– Ой, ну надо же! Дурак дураком, а порой и дураш умное слово скажет! Девчурки! Бабчурки! Айда на свои огороды капусту садить! Ох, грех, да хотенится! Ах, прощай, мил дружок Ивашка! И рада б время делить, да припело капусту садить!

И – ах! – деранули всею толпою, а носилки и топор-то и бросили, дурочки! Старушочка бойко вскочила с носилочек и припустила во все лопатки за подружечками-товарочками! И охватило меня на тех бабёх да девох необыкновенное негодование: о... о... о... отчего меня с собою не взяли?!

Осерчал я вконец, поднял тот топор, раз тяпнул – дерево стоит. За один раз дерева не срубишь. А хочется!

В другой раз тюкнул – деревье качается. А-а-а, топор своего дорубится, коли похочет! Топор, он всему, понимаешь, глава, всем, знаешь, секир-башка! Однозначно!

Вот в третий раз рубанул – выскочил кусок мне, добру молодцу, в лобок! Спознал-распознал добрый молодец, чем крапивища пахнет!

Тут я, добрый молодец, – бряк! – трои сутки провалялся!

А и покедь я, добрый молодец, возлежал, никто меня не знал, не видал! Только знала-видала меня рогатая скотина – таракан да жужелица. Ползет таракан – прямиком в туман, из тумана – в капкан, из капкана – в вулкан. Так он изволит! Жужелица кружится, жужжит, тужится, визжит, на весь мир брюзжит! Тако она изволит!

Таракан жужелицу величает: Жужанна. Жужелица таракана величает: Таракаша. А и живут они душа в душу: сударь Таракаша да сударыня Жужанна! И в зеленые шти долгожданные не желают, жучки окаянные! А втуне!

А когда я, добрый молодец, через трои сутки проснулся, встал, отряхнулся, то – гляжу: недорубленный лес опять подрастает! А одно проклятое дервие без ветра шумит – соображаешь, какое? ³³ Девки-девчентя да бабы– бабарихи, дурёхи, опять в крапивию скачут – детоцек в крапивоцке ищут! Знать, ну вельми требуется! И возникла у меня на тех бабищ да девищ колоссальная злость: отчего меня на по... по... по... помощь не зовут, дуруши?! Задумался я, подумал, подумал, одумался, расхохотался – и на тех девоношек да бабонюшек махнул рукой: да разве же их угомонишь?! Пусть в таком случае токмо на свои силы рассчитывают, а на мою бескорыстную аблакатскую помощь не надеются! Ну, а я рубить капусту пошел – на дедушкин Мирошкин огород! Ну жуть, как хочется! Ведь капуста – она всему кочан! Однозначно, понимаешь!

³² Дребь – дебри.

³³ Отгадка: осина.

Как млад Иванушка-дурачек лучшей доли – сытной жизни искал

Посвящается Марине Васильевне Чайкиной-Боресковой

Вот я, добрый молодец, трои сутки пролежал – и очнулся. Встал, отряхнулся, на все стороны оглянулся – и двинулся. Направился, голодный, шукать соби лучшую долю – сытную жизнь. Каков ни есть, а хочу есть. Гамбургеры хочу! Пепси-колу алкаю! Ма... ма... ма... манго жажду! Фи... фу... фо... фа... фейхоа! Банан! Где питко да едко – туда душа горит!

Побрел я по роще, по роще всё дремучей. А брюхо-то, брюхо: словно кто в брюшище на колесах ездит!

А я всё плетусь себе да плетусь! Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчешут. Сон не берет, дрема не клонит, еда из ума нейдет.

Шел, шел, зубами пощелкивал; наступил на ежа, ахнул – вижу: стоит на поляне печь – русская, белая, с епанчей и со встроенной голландкой, причем последняя – вся в заморских изразцах.

Говорю печке:

– Однозначно! Печь, а печь!

Нет ответа!

– Печушка, а печушка!

Ни звука!

– Печища, а печища!

Гробовое молчание.

– Ну ты, диво дивное, чудо чудное, невидаль комнатная, диковина голландская!

– Гутен таг! Ну, чего тебе? – сладко зевает комнатная невидаль, оборачиваясь то своим голландским, то русским боком. – Чего разбузыкался³⁴, понимаешь? Почто ты меня разбудил?

– На ежа наступил, а ты здися дрыхнешь, как ни в чем не бывало! Стыдись!

– Ладно! А ты кто да откыда?

– Я – Иванушка-дурачек, обыватель Голодалкиной волости, села Обнищухина.

– Ну и как тамоньки³⁵ у вас дела, идут?

– Идут, все: торги идут, стройки идут, толки идут. Словом, дым коромыслом идет, однозначно!

– Ну, стало быть, как стал мир, так и идет! Ну а ты, дурачек Иванушка, ты-то куда идешь?

– Иду в солдаты або в монахи – того и сам не знам! Аз знам, че нищо не знам! Аз този Сократ! Пещь, а пещь, ты здесьяка по усем усюдам мычешься, скажи, кудакося мне итить?

– А чего ты, мил человек, приискиваешь?

– Чего, чего! Вестимо – чего! Существенно более приемлемой участи – насыщающей будущности! Где глотно да съестно, туды ёчки³⁶ алчут!

– Ах, вот чё! Гут! Гут! Съешь моего ржаного пирожка, скажу, ежда³⁷ сам не допрешь!

– Ах, нихт ли у тебя гамбургера? Жива душа гамбургеров чаёт! Я бы приобрел – и на расходы не поскуплюсь! Однако – с отсрочкой платежа: портмонет с собою не прихватил!

– Найн, гамбургера нема, тильки мой пирожочек из ржички, и токмо бесплатно! Причем сей секунд!

³⁴ Разбузыка́ться – расшуметься (от слова буза).

³⁵ Тамоньки – там.

³⁶ Ёчки – душа, сердце.

³⁷ Ежда – ежели.

– Ну, тады зер гут! – поморщившись, соглашаюсь. – Пирожешком пузишка не испортить. Я поскорей хлебобулочное изделие в хлебало – и подпрыгиваю от нетерпения, жду от диковины голландской отвечанья.

– Ну шо, дурашка Ваняшка, сам не смерекал-то? – спрашивает диковина диковинная. – Ферштейн?

– Не-а, муттер печка, совершенно ниht ферштейн! Однозначно!

– Ах, молодость, молодость: сусло не брага, молодость не человек! Молодость рыщет – от добра добра ищет! Хальт! Хальт! Да никуды ж не ходы, оставайся на месте! – отвечает чудо чудное.

Обиделся я, Иоанн-дурень, на диво дивное за таковский сказ, ну и дале помчался.

– Фу! Доннерветтер! Хотелось как лучше, а получилось як всегда, – молвило мне вослед нагревательное устройство. – Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты, понимаешь! Эх понесся: ни конному, ни крылатому не догнать!

А я устремился, голоднехонек, искать себе чаемого счастья – сытого житья– бытья. Каков я ни есть, а влечет меня кушать. К гамбургерам влечет! К пепси-коле угодно! К ма... ма... ма... манго неудержимо тянет! К фельд... фейц... фейн... фихт... фейхоа! К банану! Где глотатно да кушно – о том волнения, о том предчувствия в груди!

Подыбал³⁸ я по лесу, по лесу всё дебристому. А чрево-то, чрево: точно кто в чревище на дрожках катит!

А я всё тащусь себе и тащусь! Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчешут. Ох, хорошо! Сонница не овладевает, забытье не одолевает, кушанье одно в соображении.

Аз дыбз, дыбз, аз шасть, шасть, аз зубищами щелк да щелк, клац да клац; налетел на что-то, лбом треснулся – бум! – выругался, плялюсь: вырисовывается в дебряном лесу яблонька.

– Стой! Кто идет? – спросонок шепчет лесная яблонь. – Год дэм! Кто ето тутоди разо-ралси? Кто ту³⁹ зачем-то мене пробудил?

– Стою! Я иду! Я, я, я, понимаешь! Аз, одним словом! – ору и лобик тру. – Ой, а шишка-то у меня на лбине – о-го-го! Ну ничего себе!

– Ай, и у меня тоже – о-го-го! У-у-у, йес! Ну надо же! Идешь, а перед носом своим ни шиша не видишь! Куды смотришь, зараза?

– И смотрю, да не вижу: за деревьями леса не видать, а за лесом – дерева!

– Ну, вот видишь! И не видишь, да идешь! Однозначно! Ну, хау ду ю ду?

– Да! Иду, не иду; пошел, не иду, а пришел, так иду!

– Ноу, не идет тебе так говорить!

– Но-но! Идет, не идет, а сказать уж скажу!

– Йес, ну, ты идешь на ссору и на драку; ты на то идешь, чтобы побраниться!

– Иду не иду, а деваться некуда – можно и побраниться!

– Да ты шо за фрукт да откедова? Ху а ю?

– Ниht, я не ху! Я – Ивасенька-дурандасенька, автохтон Голодайкиной вобласти, сельбища Обнищайкина.

– Ну и как тамички⁴⁰ у вас всё идет? Олл райт?

– Рай не рай, а у нас усё идет аки всегды: день за днем идет, месяц за месяцем, год за годом!

– Стало быть, год идет за годом, а ничего не меняется! Год дэм!

– Да! М-м-м! Год идет за годом, а мы не умнеем!

³⁸ Дыбать – шагать.

³⁹ Ту – тут.

⁴⁰ Тамички – там.

– Ах, это оттого, – вздыхает деревце, – что ничего в голову не идет!
– Безусловно! Яблонь, а яблонь, ты здесетко сыздавна торчишь да всю пуцу ведаешь, изъясни, кудаь мне идти?

– Иди своим путем, своею дорогою! Гоу, гоу!

– О-го-гоу! А где мой путь, где моя дорога?

– А чего ты, лаком хомо сапиенс, доискиваешься? Вот ю вонт?

– Вот, вот, эвтого самого: благоволительного провидения – неисчерпаемого пропитания!

Где питно да снедно – тудыяк⁴¹ сердце рвется! Вот так вот!

– Пли-и-из, поснедай мое лесное яблочко, изъясню, естли сам не сообразишь! Мне тут в дни оны хозяин сада, мичуринец заядлый, веточку с новым сортом яблочков привил – вку-у-усные, вери мач! Я как-то одним угостила очаровательнейшую девушку по имени Эвга – ей понравилось, вери мач!

– А нету ли у тебя ма... ма... ма... манго? Жива душа ма... ма... мангов страждет! Я бы купил – и за ценой не постою! Но токмо в долг: кошелек дома позабыл, понимаешь!

– Не, ма... ма... мангов нетуть, ноу, ноу, толька мои лесные яблочки, и токо безвозмездно и незамедлительно, йес!

– Ну, чудно, чудно! – уступаю, нахмурившись. – Вот и хорошо, что й-есть! Ну, так и быть! Яблочко зубам не порча.

Я поскорей лесной фрукт в рот – и подскакиваю от вожделения, ожидаю от дре-вонька-дичка ответованья.

– Ну что, дурандасенька Ивасенька, сам не раскумекал-то? – спрохает яблонь.

– Не-е-е, маманечка яблонь, прости: пока еще не постиг!

– Ах, младость, младость: сусло не брага, младость еще далеко не хомо сапиенс, совсем не сапиенс, йес! Младость шатается – от доброт⁴² доброт домогается! Да никуда-тка не ходитка, не покидай данной позиции! – ответует лесная яблонька.

Оскорбился я, Иваха-дураха, на яблонь за этакий отклик, да и дальше поперся.

– Фу-ты! Год дэм! Хотелось как лучше, а получилось яко всялды, – выпалила мне вдогонку яблонь, тряся веткой с плодами сорта «пепин лондонский». – Фу-ты, ну-ты, ляжки гнуты! Эк наострил лыжи: ну ни конному, ни крылатому не настигнуть! Однозначно! У-у-у, йес!

А я потопал себе, голоднешенек, сыскивать светлую полосу – вечную сыть. Каков ни на есть, а приспичило жрать. Гамбургеров захотелось! Пепси-колу вкушать приспичило! В ма... ма... ма... манго влюблен! В фейхе... фейху... фейха... фейхоа! В банан! Где глотатко да жратко, тудытка сознание тяготееет!

Повлекся я по пуце, по пуце всё глухоманной, вековечной. А пуздро-то⁴³, пуздро: буди⁴⁴ кто в пуздрище на КаМАЗе несется!

А я всё топ себе да топ! Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчесут. Лепота! Сонливость не возникает, дреманье не наступает, жрачка из памяти не выпадает.

Йес, аз пер, пер, зубами пошелкивал; вдруг угодил одною ногою в нечто пахучее, желеобразное – гляжу: а в заповеди⁴⁵ – берег кисельный. Побрел я по берегу, по берегу всё кисельному.

Аз влекся, влекся, скрозь зубы поплеывал, да неожиданно преграду на пути своем встретил, замер – не то б пропал! – зырю: в суземье⁴⁶ река – вся из молока, берега из киселя.

⁴¹ Тудыяк – туда.

⁴² Доброта – животы, добро, имущество.

⁴³ Пуздо – пузо.

⁴⁴ Буди – будго.

⁴⁵ Заповедь – заповедный лес.

⁴⁶ Суземье – глухой лес.

Обращаюсь к молочной реке, кисельным берегам:

– Ну ни черта себе! Речка, а речка!

А речка плещет себе и плещет.

– Реченька, а реченька!

А реченька знай себе журчит!

– Речажина, а речажина!

– Шо?

– Стий, хто йде!

– Стою! Я йду! Ну, чого тобі? – томно вздыхает млечная речка, кисельные бережки и останавливает свой сонный ход. – Що это ты туточки разгамился⁴⁷? Май ёк йатри ху! ⁴⁸ Я теку через тридевять царств, через тридесять государств, никого не обижаю! На фига ж ты мени разбуджал⁴⁹? А мне снилось такое чудесное соние – про великого героя Раму и его прекрасную жену Ситу, которая была дочерью Матери – Сырой Земли!

– Ах, ху не ху, а я во что-то такое мягкое и пахучее ноженьку увязил⁵⁰, однозначно! Не в курсе, во что? Или в кого? Ху из ху?

– А-а-а, это ты в мой киселек допустил наступку да конечность свою увязенил⁵¹, вот шо! У меня берега из киселя, понимаешь! Хинди ме иско кья кахте хай? ⁵² О-о-о, вспомнила! Киссел!

– А-а-а! А я и не знал! Ну надо же!

– Бэ-э-э! Теперь вот знай!

– Ладно! Теперича буду иметь понятие!

– А ты хто да откелича?

– Я – Ивасецка-дурасецка, сеземьць⁵³ Голодашкиной вобласци, сельца Обнищуцина.

– А я – тутошняя речушка, я эта... как её... галактикос! Йах мера кард хай. ⁵⁴ Ну дык шо тамоди⁵⁵ у вас в селишке, хорошо ль?

– Не то хорошо, цто хорошо, а то, цто к цему идет-ходит. Однозначно!

– А-а-а, хорошо! Ну так цто там у вас, ходит ли молодец в кафтане, идет ли девка в сарафане?

– Ходит! Идет!

– А идет ли девка за молодца?

– Она бы шла, да он не берет!

– А он шо? Поцему не берет?

– А ему шо? Ему только б пилося бы да елось, да дело б на ум не шло!

– Ах он, такой-сякой!

– Да, такой! А впроцем, он бы брал, да она не идет!

– А она цто? Поцему не идет?

– А ей цто? Ей только б пилося бы да елось, да дело б на ум не шло!

– Ах она, такая-сякая! Так у вас всё и идет?

– Да, так и идет!

– А детки?

– А цто – детки?

⁴⁷ Разгáмиться – расшуметься.

⁴⁸ Май ёк йатри ху (хинди) – я путешествую.

⁴⁹ Разбуджáть – разбудить.

⁵⁰ Увязи́ть – дать увязнуть.

⁵¹ Увязэ́нить – увязить.

⁵² Хинди ме иско кья кахте хай? (Хинди) – как это называется на хинди?

⁵³ Сеземьць (др. – русск.) – т. е. «сеземец», житель сей земли; антоним – иноземец.

⁵⁴ Йах мера кард хай (хинди) – вот моя визитка.

⁵⁵ Тамоди – там.

- А детки – идут?
- А-а-а, детки! Детки-то идут! Они идут как всегда: детки идут за детками, детки за детками!
- Ах, вот шо! Ну, вот бачишь, как всё хорошо у вас идет! А ты куда идешь?
- Ах, сам в неведении куда-тка – иду, кудыкося глаза таращатся да ноги загибают, вот цё!
- Хорошо, вот шо!
- Рецка, а рецка!
- Чё?
- Молочненькая реченька, кисельненькие бережочки, ты ведь повсюду течешь, через тридцать царств, через тридцать государств, так поведай, кудаткабы мне пойтить?
- Кучх сочна чахийе.⁵⁶ А чога ты, душа-чоловик, жаждешь?
- Лучезарного фатума – то бишь обильного пищевой существования! Где сосатно и лакомно – тудысь дух мой у... у... устремлен! Однозначно!
- Полакомься моим простым киселиком с молочком, поведаю, буде сам не возьмешь в толк.
- А нет ли у тебя пепси-колы? Или кока-колы? Жива душа пепси-колы али кока-колы изволит! Я бы раскошелился! Уж я бы расщедрился, развязал мошну! Но не сейчас, аз воздам опосля: сперва надо сбегать до хаты за гаманком⁵⁷!
- Несть, пепси-колы нетука, кока-колы тоже нетуткась, тличко мой киселик простой с молочком, и только задаром! И прямо тенчас⁵⁸, вот чё!
- Ну, гоже, гоже! – соизволяю, скривившись. – Так и быть уж! Киселику с млеком всевды в тезево⁵⁹ место есть, несмотря ни на цто.
- Нечего делать, вот я, гарный парубок, киселя наелся, молока нахлебался, с ястребою⁶⁰ недовольною остался. А сам подергиваюсь от свербежу, дожидаюсь от речки отповедыванья⁶¹.
- Ну, цё, дурасецка Ивасецка, сам не рассудил-то? – пытается речка.
- Ни-и-и, матоцка рецка, еще не смекнул!
- Ах, вьюношество, вьюношество: сусло не брага, вьюношество не чоловик! Вьюношество свигаеь⁶² – от добрин⁶³ добрин шукаеь, понимаеь! Да никудакося не ходяй, не изменяй своего нынешнего местопребывания! – отповедывает молочная река, кисельные берега.
- Разгневался я, Иоганн-дуранданн, на речонку за подобный базар да и одалече⁶⁴ ринулся.
- Тьфу ты! Хотелось как луцце, а полуцилось ако завсёгды, – сгундела мне всугонь⁶⁵ река. – Вот оно шо! Фу-ты, ну-ты, мослы гнуты! Эх рванул: ну ни конному, ни крылатому ни за что не захватить! Эхма, пхир милеге⁶⁶, миляга!
- И потекла флегматичная речажина дальше, млея от чудного сновидения про Раму и Ситу!
- А я пошагал, оголодавший, изыскивать себе завидную судьбину – сытенькую житуху. Каков ни на есть, а угодно мне лопать. С гамбургеров ташусь! Пепси– колу угодно! Ма... ма...

⁵⁶ Кучх сочна чахийе (хинди) – надо подумать.

⁵⁷ Гаманок – кошелек.

⁵⁸ Тенчас – сейчас.

⁵⁹ Тезево – пузо.

⁶⁰ Ястреба – утроба.

⁶¹ Отповедыванье – ответ.

⁶² Свигать – слоняться.

⁶³ Добрина – доброта.

⁶⁴ Одалече – далее.

⁶⁵ Всугонь – вдогонку.

⁶⁶ Пхир милеге (хинди) – до встречи.

ма... манго бла... бла... благоугодно! Эту – как ее? – фейхау... фейхуа... фейхоа! Банан! Где проглотно и лопатно – тудакося ретивое летит!

Поплелся я по берегу, по берегу всё кисельному. А утроба-то, утроба: чисто кто в утробе на тракторе мчится – и при этом цитирует строки из стихотворения поэта Ивана Молчанова: «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати!»

А я всё шагаю себе да шагаю! Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчешут. Божественно! Сонность не достает, дремушка-дрема не сгибает, едь⁶⁷ занимает воображение.

Плелся, плелся, покрехтывал – мне на голодный зуб не попадайся! – внезапно поскользнулся, упал, встал, отряхнулся – и очи вылупил: стоит на побережье храмик, церковь расчудесная – вся из пирогов складена, лепешками вымощена, оладьями повершена, блином накрыта. Вокруг лохматые собаки лают, больно кусают – внутрь не пускают.

Вступил я на паперть, зрю: двери. Калачем двери заперты, кишкою бараньей задернуты.

Тутытька аз, шустрый хлопец, догадался, калач переломил да машинально съел, кишку собачонкам отдал. Собачки и отступились.

Вошел я в церкву. В ней всё-всё расчудесное, понимаешь: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. А чаемого банана – ну нет как нет, однозначно! Ну, я и осерчал! Эх, тутовона аз и выразился: крепко, по– нашенски!

Ну, хорошо, выскочил заспанный поп толоконный лоб, одет в ризы соломенные. Попин⁶⁸ присел – блин и поел! Ныне уж не упомню, кто – кого: пресвитер – блина, или блин – иерея!

Удивился я, Ивашечка-дурачечек, таким чудесам, ну и далее поковылял. Посеменил, неизменно голодающий, выискивать себе чудного жребия – полного живота. Гамбургеров помогаюсь! На пепси-колу облизываюсь! По ма... ма... ма... манго вздыхаю! По фейхоа! Но особенно – по банану! Всегда! Аз каков ни на есть, а охоч усё трескаться. Где дерябно да трескатно – тудась аппетит меня у... у... устремляет!

И пополз аз по бережку, по бережку всё кисельненькому. А кезюк-то⁶⁹, кезюк: бу... будто кто в кезеве⁷⁰ на бу... бу... буль... буль... бульдозере гонит!

А я всё пресмыкаюсь да пресмыкаюсь себе, по-пластунски пресмыкаюсь! Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчешут. Прикольно! Спячка не охватывает, дремуха не охмуряет, едево⁷¹ из головы не выходит.

Полозил⁷², полозил, зубоцками звякал; дополозил до первого, второго, третьего, четвертого, пятого, шестого, седьмого неба, споткнулся о золотой кирпич, валявшийся подле какого-то монументального долгостроя, выпалил свой подробнейший комментарий да и замечаю: ходит zde⁷³ бык печеный, в одном боку нож точеный, в другом боку вилка. Подле расхаживают рюмка и горилка, песни горланят, прохожих бьют да буянят. Кому надо закусить, изволь резать да кроить! Аз и возрадовался!

Ну, и где распитно да трапезно на Руси? Мабудь, на небеси?

Нет, ну нет, нет, нет на небеси этого – как бишь его? – банана! Ни шофёру, ни пешему, ни конному, ни крылатому не достичь! Однозначно, понимаешь!

⁶⁷ Едь – еда.

⁶⁸ Попин – поп.

⁶⁹ Кезюк – пузо.

⁷⁰ Кезево – пузо.

⁷¹ Едево – еда.

⁷² Полбзить – ползти.

⁷³ Зде – здесь.

Как млад Иванушка-дурачек со своим родным дедушкой мирошкой ну очень хорошо жил

Посвящается Т. Королёвой

Как начался белый свет, было мне от роду семь лет.

Жил я со своим родным дедушкой, звать дедушку – Мирошка. У дедушки Мирошки денег не было и трошки. Дедушка тогда еще не женился, а батька мой еще не родился.

Жили мы в палатах куда как богато: от наготы и босоты ломились шесты!

Жили хоть в нужде, да припеваючи: нужда и плачет припеваючи!

Богачи едят калачи, да не спят – ни в день, ни в ночи; а мы – чего ни хлебнем, да заснем!

Богатый не золото ест, и мы не камень гложем.

Да и что нам золото, светило бы солнышко!

У нас и два гроша – куча хороша; у нас одна копейка – и та ребром. Так нам не о чем тужить, как нечего прожить. А коль денег ни гроша, так слава хороша. Не от того мы оголели, что сладко и пили, и ели; а, зная, на наши денежки прах пал.

Боже мой, Боже, всякий день то же: солнце встанет – хочется есть.

Батька мой, который тогда еще не родился, жил не ровно: хлеб есть – так соли нет; соль есть – так хлеба нет; а я, добрый молодец, жил с дедушкой Мирошкой ровно: ни хлеба, ни соли. Только во сне я хлеб-соль и видел: хлеб-соль и во сне хорошо.

Боже мой, Боже, всякий день то же: полдень приходит, обедать пора. Бывалоча реку дедушке:

– Деда, а деда! Надо бы пообедать!

– Так хлеба нет! – отвечает дед.

– А кнут есть?

– Есть.

– Айда собак гонять!

И всё-то у нас на месте было: двор-то под окошком, крапива у порожка, изба-то у ворот, только задом наперёд.

Двор-то у нас кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто, а светом обгорожено, горюшком обхожено!

А изба-то у нас большая: на первом венце – порог, на втором – потолок, двери и окна буравом наверхены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожно.

А в избе-то у нас – горница. Наша горница с Богом не спорница: на дворе тепло – и у нас тепло; на дворе холодно – и у нас холодно!

А в избе-то у нас – печь. Наша печь – из одного кирпичика! На печи в решете – три засушинки!

Словом, дом у нас – полная чаша. Всё есть, только птичьего молока нет. Мило тому, у кого много всего в дому.

Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых.

Один жеребец самый бойкий – кот сибирский – был на цепь прикован к столбу печному.

Был тот кот ученый, пенсне носил не снимая: он всегда на печи лежит, днем пенсне на носу поправит – и давай книжки читать, а вечером пенсне на кончик носа передвинет – и сказки рассказывает. Этот кот даже мышей во сне ловил в пенсне: и во сне, а в пенсне!

– Слава Богу, хорошо живем, грех жаловаться! – говаривал дедушка Мирошка. – Слава Богу, не без доли: хлеба нету, так скотина есть!

А скотины у нас было – таракан да жуколица⁷⁴, медной посуды – крест да пуговица, деревянной посуды – сучки в бревнах, одежи – мешок да рядно. Жили в радости: у кого нет рубашки, тот рад и ветошке!

А коровушек у нас было – почитай, стадо: бывалоча, ползут по стене три мухи, а дедушка потирает ладошки и бормочет:

– Ох, хорошо!

– Что хорошо, дедунь?

– Три коровушки есть, отелятся, будет шесть!

И до того у нас всё хорошо – ни задавиться, ни зарезаться нечем. И холодовали, и голодовали, и нужу⁷⁵ знавали.

У нас двор кольцом, и анбар с крыльцом. А в анбаре у нас всегда – полный порядок: и мышей нет – перевелись! И то сказать: запас закромы ломит, а пусто – легче!

А наша квашня – ни густа, ни пуста: не замесишь густо, как в анбаре пусто.

И в хозяйстве у нас – полный порядок: ничего лишнего – ни сохи, ни бороны. Да и то сказать: меньше на дворе, легче голове.

Земли у нас с дедушкой Мирошкой было видимо-невидимо: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы отдавали.

Родилось в тех чертогах хлеба премного. Стали убирать – некуда девать.

Сколь дед был умен, столь я догадлив! Склали скирду на печном столбу; велика скирда – глазом не окинешь, а взглянуть не на что!

И завелись в скирде мыши, стали хлеб точить.

Жеребец наш бойкий – кот сибирский – прыг на столб! Мышей не изловил, только пенсне разбил, скирду в лохань уронил!

Дед заголосил, а я спросил:

– Деда, а деда! Чем теперь кормиться-то будем?

– Эхма! Будем живы, будем и сыты! – отвечает дед. – Ничего, проживем: из щеп похлебку сварим!

– Из щеп похлебки не сварить! – замечаю я. – Вот разве что кашу из топора.

– Твой намек мне невдомек! Не перечь старшим! – сердится дедушка Мирошка, обронивший топор в колодезь ещё о прошлом годе, когда по всему двору за комариком гонялся. – Ничего, внучек, с голоду не помрем! Будем сыты крупницей, пьяны водицей! А посему и жить не скучно, и помирать не тошно!

Сколь дед был умен, столь я догадлив! Вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили. Только разгребай да по зерну подбирай.

Много хлеба-то у нас ныне – три сусека. В первом сусеке мак, в другом точно так, а в третьем растянись да и ляг.

Пусть бы не было муки в закроме, не переводился бы только печеный хлеб. Хлеб на стол, так и стол престол; а хлеба ни куска – так и стол доска! Хлеба ни куска – так и в тереме тоска; а хлеба край, так и под елью рай!

Хлеб да вода – здоровая еда! Покуда есть хлеб да вода, всё не беда! Калач приестся, а хлеб – никогда!

Не дорог виноград терский, дорог хлеб деревенский: немного укусишь, а полон рот нажужешь!

Только ангелы с неба не просят хлеба! Хлеб наш насущный даждь нам днесь! Боже мой, Боже, поедим, поспим да опять за то же!

⁷⁴ Жуколица – жужелица, жучок.

⁷⁵ Ну́жа – бедность.

Как млад Иванушка-дурачек с чивым⁷⁶ дедушкой мирошкой весь мир напоили

Посвящается О. Задорожному

Кончилась главная битва страны: не Куликовская, не Полтавская, не Бородинская, не за Париж, не за Берлин, а куда более изнурительная и героическая – за урожай. Стало быть, подошло время к наиважнейшему ежегодному торжеству – празднеству урожая. Гопля! Не нам будничать, а нам праздничать: наступил срок переложить печаль на радость.

А где пировать, тут и пиво наливать. На нашей сторонке, сторонушке теперь пиушко поваривают, урожайщину справляют!

А на праздник и у комара сусло, и у воробья пиво!

⁷⁶ Чивый (тчийый, от глагола источать) – тороватый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.